

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук

КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*письменные
источники*

Выпуск 13

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2020

УДК 930
ББК 63.2+86.39(5А/Я)
К 906

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *Ц. П. Ванчикова* (отв. редактор),
д-р ист. наук *С. В. Бураева*, канд. филол. наук *Д. В. Дашибалова*,
канд. ист. наук *М. В. Аюшеева* (секретарь)

Рецензенты:

д-р культурологии, проф. *М. И. Гомбоева*
канд. ист. наук *Б. Д. Цыбенков*
канд. филол. наук, доц. *О. Д. Тугулова*

К 906 **Культура Центральной Азии: письменные источники.**
Вып. 13. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. – 156 с.

Предлагаемый вниманию читателей очередной выпуск серии «Культура Центральной Азии: письменные источники» состоит из трех блоков. В первом, посвященном философии и истории буддизма, продолжаются исследования текста «Ратна-гуна-самчая-гатха», дополненные переводом XXVI–XXXII глав; представлены результаты изучения специфики тибетской исторической литературы жанра чойчжун, а также классификация личностных качеств у обучающихся медицине, согласно тибетским источникам. Во втором блоке раскрыты стилевые особенности исторических новелл Б. Ринчена и публикуются сведения об организации научной библиотеки Бурятского ученого комитета. Третий содержит статьи по источниковедению, архивоведению и кодикологии документальных, фото и книжных коллекций.

Представляет интерес для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории и культуры народов Центральной Азии.

УДК 930
ББК 63.2+86.39(5А/Я)

ISSN 2304-1838

© ИМБТ СО РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2020

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА

DOI 10.30792/2304-1838-2020-13-82-90

УДК 821.512.36

ББК 83.3 (5 Мон)

Дашибалова Д. В.

К ВОПРОСУ ОБ АРХИТЕКТОНИКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НОВЕЛЛ Б. РИНЧЕНА¹

В статье впервые в российском монголоведении предпринята попытка проанализировать исторические новеллы выдающегося монгольского ученого и писателя Бямбын Ринчена с точки зрения архитектоники (внешней композиции) и выявления способов выражения авторской позиции. На примере новелл «Мужественная Ану», «Роковое письмо», «Рука богини», «Летатель Буня» выявлено, что для них характерна свобода композиции, которая сочетается с определенной субъективностью и динамизмом переключения из одного стилистического регистра в другой. Финальные части новелл можно назвать «эпилогами» или «колофонами» и комментариями, что вполне соответствует стилевым традициям средневековой монгольской литературы, но в XX в. они обретают новое, «живое» дыхание.

Ключевые слова: Бямбын Ринчен, монгольская литература, исторические новеллы, архитектоника, авторский комментарий, стилевые традиции

Dashibalova Darima V.

ON THE QUESTION OF THE ARCHITECTONICS OF HISTORICAL SHORT STORIES BY B. RINCHEN

In the article author attempts to analyze the historical short stories of the outstanding Mongolian scientist and writer Byambyn Rinchen from the point of view of architectonics (external composition) and revealing the ways of expressing the author's position. On the example of the short stories "Courageous Anu", "Fatal Letter", "Hand of the Goddess", "The Bunia Fly-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII. 187.1.4. «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5).

er" it was revealed that they are characterized by freedom of composition, which is combined with a certain subjectivity and dynamism of switching from one stylistic register to another. The final parts of the short stories can be called "epilogues" or "colophons" and commentaries, which is quite consistent with the stylistic traditions of medieval Mongolian literature, but in the XX century they acquire a new, "living" breath.

Key words: Byambyn Rinchen, Mongolian literature, historical short stories, architectonics, author's commentary, style traditions

В 2020 г. исполняется 115 лет со дня рождения академика Бямбын Ринчена – выдающегося монгольского ученого, общественного деятеля, одного из основоположников монгольской литературы XX в. Эта дата и стала одним из поводов обратиться к литературному наследию Б. Ринчена, предпринять попытку интерпретации его исторических новелл на основе анализа композиционного построения текста и выявления способов выражения авторской позиции.

В процессе становления как писателя Б. Ринчен избрал для себя жанр исторических новелл и романов, подсказанный ему многолетними занятиями монгольской филологией и фольклором, национальной историей и этнографией. Ринчен десятки лет переводил художественную литературу с русского и других европейских языков на монгольский, шестнадцать лет трудился на журналистском поприще в редакции газеты «Унэн». Им переведены лучшие произведения русской и мировой классики: «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, стихи А. С. Пушкина, рассказы А. Н. Толстого, «Судьба человека» М. А. Шолохова, стихи В. В. Маяковского и Н. С. Тихонова, «Пан Тадеуш» А. Мицкевича, сочинения Ги де Мопассана, А. Барбюса, Н. Хикмета, стихи Ш. Петефи, очерки Ю. Фучика и др. Б. Ринчен осуществил перевод более ста крупных произведений с двадцати языков мира [5, 2011: 15].

Эта литературная практика была для него школой писателя. Ринчен все еще чувствовал себя робким учеником истинных мастеров художественного слова, но учеником, обязанным держать: «за прожитые годы мне многое довелось услышать от чистых сердцем людей старшего поколения, и нет у меня морального права унести услышанное с собою в царство теней, не поведав читателям хотя бы малой части» [4, 1972: 9].

Перу Б. Ринчена принадлежат: пьесы «Бэр цэцэг» («Цветок невесты») и «Налина», киноповесть «Цогт тайж», исторические новеллы «Ану-хатан» («Мужественная Ану»), «Нууцыг задруулсан захиа» («Роковое письмо»), «Гүнж» («Принцесса»), «Гар» («Рука богини»), «Шүхэрч Буниа» («Летатель Буниа»), «Бадарч» («Странник»), «Эцсийн хичээл» («Последний урок»), «Богд таалал болсон нь» («Кончина Богдо»), «Мангаа Доогийн эцсийн зүүд» («Последний сон Доога»)¹ и др., исторический роман-трилогия «Үүрийн туяа» («Утренняя заря»).

«Мужественная Ану» воссоздает страницы героической борьбы западных монголов (ойратов), объединившихся к середине XVII в. в Джунгарское ханство, против завоевателей маньчжуров. Взаимоотношения противоборствующих сил в конце XVII в., как свидетельствуют монгольские исторические хроники, были значительно сложнее тех, что нашли отражение в новелле. Но избранная автором форма поэтической легенды, в которой фигурируют как исторические реальные персонажи (Энх Амгалан хан (Нурхаци), Галдан-Бошокту-хан, Ану-хатан), так и вымышленные лица (зайсан Чимбай, воин Бор), позволила ему, не нарушая в основном исторической достоверности, рассказать о главном: о мужестве народа, боровшегося за свою независимость. И если образы джунгарского хана-полководца или, скажем, ратника Чимбая силою художественного слова вырастают в образы национальных героев, то и такое представление о них вполне укладывается в рамки легенды, исполненной пафоса героической борьбы. Ключевой фигурой повествования, несомненно, является Ану-хатан, которая стойко переносит вся тяготы войны, и наравне со своим мужем, Галдан-Бошокту-ханом, участвует в сражениях. Мужественная Ану погибает в одном из них, но выводит своих воинов из вражеского окружения: «Полыхнуло пламя, взвился дымок и чугунное ядро попало прямо в серебряный нагрудный знак отважной ханши; словно срезанный косою полевой цветок, упала она на землю» [1, 2015: 56].

¹ Названия новелл на русском языке приводятся по изданию: Б. Ринчен «Принцесса» и другие новеллы». М.: Художественная литература, 1972. 183 с.

Что касается архитектоники (или внешней композиции) рассматриваемого текста, то границы каждой композиционной единицы четко определены автором: новелла состоит из эпиграфа и шести глав. Эпиграф представляет собой четверостишие из назидательного сборника «Улигерун далай» («Сутра о мудрости и глупости»): «Как ни копи сокровища – истратятся, как высоко ни возносишь – низвергнешься; за встречей вечно следует разлука, за появлением на земле – уход». Шесть глав – это внутренняя (содержательная) композиция, которая определяется особенностями конфликта и развертыванием сюжета, системой образов и т.д.

Однако есть немаркированная финальная часть, своего рода авторское послесловие, художественный «колофон»: «создавая эту новеллу, я по мере сил моих стремился воплотить слышанные от старцев легенды, желая побудить современных монгольских писателей к воссозданию в литературе героических страниц из истории борьбы четырех ойратов за свою свободу; показать героические подвиги предков, которые сражались с чужеземными завоевателями и не покорились, хотя и потерпели поражение в последнем бою. Завершая свое повествование в лето года обезьяны¹, обещаю осуществить свою давнюю мечту и написать когда-нибудь, если только хватит сил, исторический роман о мужественной Ану – решительной, отважной монгольской женщине, рассказать о ее светлой любви и благородной душе, чтобы добавить хоть каплю в море монгольской литературы» [4, 1972: 57].

Новелла «Роковое письмо» вновь погружает читателя в маньчжурскую эпоху, время тайных заговоров, жестокого кровопролития и мести. Здесь речь идет о Гологдэй-баторе из ойратского рода цорос и его единственном сыне Шуну, которые устроили пиршество с приглашением главы маньчжурского воинства генерала Фу. Перед началом пира выясняется, что в секретном послании Шуну, перехваченном вражеским гонцом, содержится указание отравить генерала и его свиту. Заговор раскрыт, и жестокое отмщение маньчжуров происходит незамедли-

¹ В русском переводе пропущено: «находясь в гостинице «Европа» в городе Варшава Польской Народной Республики» [1, 2015: 79].

тельно. В ответ на просьбу Гологдэй-батара сохранить жизнь Шуну как продолжателю рода генерал соглашается, но при условии, что сын собственными руками отрубит голову отцу, матери и сестрам. Казнь состоялась, «а Шуну в ту же ночь бежал в горы с преданными ему солдатами и с той поры беспощадно истреблял маньчжуров по одному, группами – словом, как придется» [4, 1972: 72].

В этой небольшой по объему новелле архитектоника выглядит совершенно по-другому: в отличие от «Мужественной Ану» автор выражает свои мысли, делится рассуждениями и воспоминаниями в самом начале, в «предтексте», предшествующем основному. «На пятнадцатом или на шестнадцатом году существования Монгольского государства мне, в то время еще студенту, довелось побывать в Ленинграде, где я познакомился с редчайшими рукописями, собранными учеными в Азии. Помню, я обратил внимание на письмо, написанное знаками ойратской письменности <...>. Кроме обычных приветствий, там была всего одна, не очень понятная фраза: “Надлежащие слова – в устах гонца”. Академик Владимирцов, мой учитель, объяснил мне тогда, что по каким-то причинам в те далекие времена подобные письма с этой единственной фразой, означавшей, что подателю сего письма доверено передать устно о чем следует. Уже значительно позднее я занялся сбором устных народных преданий в окрестностях Кобдо, записывал местные диалекты <...>. Я буквально дневал и ночевал у старого Халтара из рода цорос, хранившего полный сундук старинных рукописей. <...> Он-то и раскрыл мне истинный смысл выражения: “Слова посланий – только в устах гонца”¹. Множество тяжелых испытаний принес семнадцатый век нашему народу. Печальная легенда, которую я вам расскажу, как раз и относится к тому времени, именуемому историками «темным», поскольку оно еще недостаточно изучено» [2, 2015: 44–45]. В таком обширном введении с пространственно-временными указателями (“на пятнадцатом-шестнадцатом году существования монгольского государства”, что соответствует 1926–1927 гг., Ленинград, Кобдо), антропонимами (учитель Владимирцов, старый Халтар), пояснениями о

¹ Перевод уточнен мною - (Д. Д.).

своем роде занятий (знакомство с рукописями, сбор устных преданий) Ринчен словно обнажает обращенность авторского слова к адресату текста – читателю. Кроме того, становится понятным русский перевод названия новеллы «Нууцыг задруулсан захиа» (Тайное послание). Письмо действительно стало роковым для Шуну, ведь он мог не прибегать к услугам гонца, а сохранить секретные намерения в памяти.

«Шүхэрч Буния» («Летатель Буния») повествует о несчастной жизни сына простого народа. На 10-м году правления Сына неба империи Цин, в Эрдэни-Дзу прибыл маньчжурский наместник в Улясутае и присутствовал на празднике мистерии Цам. Он был в восторге от богатых и красочных украшений масок. Глядя на мужественные лица монголов, ловких наездников, дивясь замечательному убранству монастыря и ритуальным принадлежностям, амбань размышлял о том, что этот свободолюбивый народ, тесно связанный со своей древней культурой, Сын неба смог покорить лишь с помощью желтой религии, и мысленно вознес хвалу его мудрости. Однажды ранним утром он вышел прогуляться и вдруг заметил какой-то движущийся предмет: «Может, это птица расхаживает по крыше главного, самого высокого храма? ... О небо, это же человек!» [4, 1972: 110]. Маньчжурский наместник, которого все не покидали мысли об умелых наездниках-монголах, увидев крылатого монгола, был просто ошарашен. Ему даже показалось, что монастырь Эрдэни-Дзу вознесся высоко в небо и исчез в космическом пространстве. Этим крылатым монголом оказался молодой лама, который благодаря силе волшебства ранним утром мог пролетать над землей не в мыслях, а наяву. За свои смелые эксперименты он был сурово наказан: его долго и жестоко били палками. Поздним вечером он лежал на монастырском кладбище. Придя в себя, Буния попытался подняться, но тело его казалось чужим. Когда же ему захотелось заплакать, то он не смог ничего произнести. Теплые слезы текли по его щекам, губы напрасно звали маму. Голова у него была словно железным обручем стянута, в висках пульсировала кровь, а поясницу и спину жгло, словно раскаленным железом. «И почудилось Буние, будто мать его гладит по спине, и боль отступает, исчезает совсем, а тело становится таким легким, как во время полета. Ему казалось,

что давно умершая мать зовет его. «Иду, иду!» – зашептал Буня и, вздрогнув, он вытянулся и замер навсегда» – так заканчивается история монаха по имени Буня [4, 1972: 116].

Вторая, заключительная часть новеллы, как композиционная единица не маркирована автором, но подчеркивает целостность художественного текста. Б. Ринчен в конце своей новеллы написал, что в 1929 г. он вместе с немецким монголоведом Эрихом Хэнишем ездил по западным аймакам. Они посетили Улясутайский музей в монастыре Гэсэра, в котором внимание Ринчена привлекли старые отчеты улясутайского амбана. В одном из этих отчетов содержалась история банди по имени Буня из монастыря Эрдэни-Дзу. «Этот банди летал с помощью самодельного зонта еще на десятом году правления... Сына неба, то есть раньше, чем Отто Лилиенталь в Европе был сурово наказан и умер от побоев. С горечью прочел я строки о его гибели» [4, 1972: 117].

Далее Б. Ринчен продолжает: «В новелле о Буние, написанной в 1957 г., мною были использованы записи, сделанные еще в 1929 г. во время посещения Улясутайского музея. В 1955 г. я побывал в Улясутае еще раз вместе с чешским ученым Поухой. Но музея уже не было, да и монастыря Гэсэра тоже. Архив амбана исчез, в краеведческом музее его не оказалось. Так и пропал документ о первом монгольском парашютисте. И чтобы имя Бунии навсегда осталось в памяти людей, я написал этот рассказ» [Там же].

Новеллу «Гар» («Рука богини») Б. Ринчен посвятил Ундургэгэну Дзанабадзару, прославленному монгольскому скульптору, создавшему двадцать одно изваяние богини Тары. Жизнь и деятельность Дзанабадзара оценена историками с точки зрения политики и исторической науки. Искусствоведы отдали ему должное как художнику и скульптору. К сожалению, имя женщины, послужившей прообразом для создания прекрасных статуэток, неизвестно, но память о ней живет в легендах, а образ – в творении художника. Глубокое чувство благодарности к ней и побудило Ринчена изложить на бумаге это старинное предание. В заключительной части, своеобразном эпилоге Б. Ринчен пишет: «Рассказчик этой легенды хотел бы добавить несколько слов от себя. Жизнь и деяния того, кто был известен в нашей стране под

именем Ундур-гэгэна, оценить с точки зрения политики и исторической науки смогут историки. Люди искусства отдадут ему должное как художнику и скульптору. И тогда они непременно должны будут вспомнить о той, кто сама была ваятельницей, вызвавшей ненависть лам, окружавших Ундур-гэгэга стеной. Ученые монахи не упомянули ее имени в жизнеописании Ундур-гэгэна. Имя этой женщины преградило им путь к уму и сердцу художника, и сиятельные святоши хотели, чтобы монголы, не произносившие ее имени из уважения к ней, не оставили его и потомкам. Монахи просчитались: память о ней живет в легендах, а образ – в творении художника. И если некогда великие итальянские мастера, создавшие шедевры красоты, увековечили в своих мадоннах идеальный образ итальянки, примерно то же веком позже сделал в Монголии Ундур-гэгэн, чья монголка по праву заслуживает высокого признания. «Желтый закон» не смог подавить своей тяжестью творческое начало в душе Ундур-гэгэна, художник оставил нам свидетельство дерзаний, далеко опередивших его эпоху. Рассказчик верит, что придет время, и загадочная улыбка той, чье имя было проклято буддийскими монахами, тоже привлечет к себе внимание пишущих. Об этом он думает всякий раз, когда стоит в музее в Улан-Баторе перед прекрасной статуей монголки, имя которой осталось неизвестным» [4, 1972: 106].

Подытоживая краткий анализ структурных особенностей исторических новелл Б. Ринчена, мы можем сделать вывод о том, что для них характерна свобода композиции, которая сочетается с определенной субъективностью и динамизмом переключения из одного стилистического регистра в другой. Его «эпипоги» или «колофоны» (монг. *төгсгөлийн үг*), комментарии (монг. *тайлбар*) вполне соответствуют стилевым традициям средневековой монгольской литературы, но обретают новое, «живое» дыхание. Демонстрация авторской позиции содержит в некоторой степени аллюзию на творческий метод Ванчинбалын Инджиннаша (роман «Синяя книга»). По нашему мнению, Бямбын Ринчен внес существенный вклад в развитие монгольской исторической литературы XX века, обогатив ее новыми художественными подходами и творческими разработками.

Литература

1. Ану хатан // Бямбын Ринчений Ойрад судлалын бүтээл туурвил. Улаанбаатар, 2015. С. 52–80.
2. Нууцыг задруулсан захиа // Бямбын Ринчений Ойрад судлалын бүтээл туурвил. Улаанбаатар, 2015. С. 44–51.
3. Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 272 с.
4. Ринчен Б. «Принцесса» и другие новеллы. М.: Художественная литература, 1972. 183 с.
5. Ринчен Б. Эрдэм шинжилгээний бүтээл. Монгол утга зохиол судлал. II боть / Эмхэтгэн хэвлүүлсэн Э. Пүрэвжав, Э. Пүрэвсүрэн. Улаанбаатар, 2011. 204 х.

References

1. Anu khatan // Biambyn Rinchenii Oirad sudlalyn buteel tuurvii. Ulaanbaatar, 2015. S. 52–80.
2. Nuutsyг zadruulsan zakhia // Biambyn Rinchenii Oirad sudlalyn buteel tuurvii. Ulaanbaatar, 2015. S. 44–51.
3. Nikolina N. A. Filologicheskii analiz teksta. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiia», 2007. 272 s.
4. Rinchen B. «Printsessа» i drugie novelly. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1972. 183 s.
5. Rinchen B. Erdem shinzhilgeenii buteel. Mongol utga zokhiol sudlal. II bot' / Emkhetgen khevluulsen E. Purevzhav, E. Purevsuren. Ulaanbaatar, 2011. 204 kh.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАДЛАЕВА Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, библиотекарь Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. E-mail: t.badlaeva@mail.ru

БУРАЕВА Светлана Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: ladys@inbox.ru

ДАШИБАЛОВА Дарима Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: dardash3@gmail.com

ЖАБОН Юмжана Жалсановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: yumzhan@mail.ru

КАМАЛОВ Аблет Каюмович – профессор Университета «Туран», Алматы, Казахстан. E-mail: a.kamalov@turan-edu.kz

ЛЕПЕХОВ Сергей Юрьевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: lepekhov@yandex.ru

МЯГМАРСУРЭН Гомбодорж – доктор наук, директор Института изучения буддийской культуры при монастыре Зуун-Хурээ Дашчойлин. E-mail: lamamiga@yahoo.com

РИНЧИНОВ Олег Сергеевич – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: orinch2@mail.ru

ХАРТАЕВ Владимир Владиславович – младший научный сотрудник лаборатории «Центр переводов с восточных языков» Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: buda2004@mail.ru

Содержание

РЕЛИГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Лепехов С. Ю.</i> Концепция иллюзорности мира в «Ратна-гуна-самчая-гатхе»	3
<i>Хартаев В. В.</i> Специфика тибетской исторической литературы жанра чойчжун.....	32
<i>Мягмарсүрэн Г.</i> Пагба-лама Лодойжанцан и его поучения	46
<i>Жабон Ю. Ж.</i> Тибетские источники о личностных качествах обучающихся медицине.....	69

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА

<i>Дашибалова Д. В.</i> К вопросу об архитектонике исторических новелл Б. Ринчена.....	82
<i>Бадлаева Т. В.</i> Организация научной библиотеки Бурятского Ученого Комитета (1920-е гг.)	91

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, АРХИВОВЕДЕНИЕ, КОДИКОЛОГИЯ

<i>Камалов А. К.</i> Вопросы социальной истории Восточного Туркестана в полевых материалах руководителя Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга (1909–1910 гг.).....	105
<i>Бураева С. В.</i> Фотохроника научной жизни Бурятского института общественных наук в 1970–1980-е гг. (по материалам общего архивного фонда ЦВРК).....	128
<i>Ринчинов О. С.</i> Современные направления мультидисциплинарного изучения буддийского книжного наследия.....	143
<i>Сведения об авторах</i>	154